

Две внучки Д.И. Менделеева

Доктор химических наук
Д.И. Мустафин,
Российский химико-технологический
университет им. Д.И. Менделеева

Дмитрий Иванович Менделеев, безусловно, был счастливым ученым. Сегодня Менделеев — одно из самых знаменитых русских научных имен. Но его личную жизнь трудно назвать счастливой. Он был семнадцатым ребенком в небогатой семье. Отец, директор гимназии, Иван Павлович Менделеев (1783–1847), после рождения сына Дмитрия потерял зрение и был отправлен на пенсию. Мать, Мария Дмитриевна Менделеева, Корнильева в девичестве (1793–1850), взяла на себя все тяготы по обеспечению большой семьи насущным хлебом. Она перевела своих домочадцев в деревню и сумела наладить работу небольшого стекольного завода, благодаря чему семейство и выжило.

После окончания гимназии опять удары судьбы: Дмитрий Менделееву отказали в приеме в Московский и Петербургский университеты. Только невероятными усилиями матери, которая нашла влиятельных знакомых, Дмитрий Менделеев в 1850 году стал студентом Главного педагогического института в Петербурге, в котором некогда учился и его отец. Одним из условий учебы на естественном отделении физико-математического факультета этого института было казенное обязательство после окончания института обработать школьным учителем восемь лет. Будучи студентом первого курса, Менделеев остается сиротой: в сентябре 1850 года умирает его мать (отец умер, когда мальчику было 14 лет), а в феврале 1851 года — дядя, Василий Дмитриевич Корнильев, который материально поддерживал Дмитрия и его сестру Лизу, приехавшую в Петербург вместе с братом. Весной 1852 года умирает Лиза, и Дмитрий остается в Петербурге практически один. Беспособность, общая слабость, недоедание, туберкулезная интоксикация приковывают его к больничной койке в институтском изоляторе. Однажды во время обхода врач, думая, что Д.И. Менделеев спит, сказал у его кровати: «Этот уже не поднимется».

Все было против одинокого, бедного и болезненного студента, который вопреки всем обстоятельствам все же сумел победить болезнь и благополучно окончил институт в 1855 году.

Феоза Никитична и Дмитрий Иванович Менделеев

В 1857 году Дмитрий Менделеев делает предложение Софье Каш, с которой был знаком еще в Тобольске, на естественном отделении физико-математического факультета этого института был казенное обязательство после окончания института обработать школьным учителем восемь лет. Будучи студентом первого курса, Менделеев остается сиротой: в сентябре 1850 года умирает его мать (отец умер, когда мальчику было 14 лет), а в феврале 1851 года — дядя, Василий Дмитриевич Корнильев, который материально поддерживал Дмитрия и его сестру Лизу, приехавшую в Петербург вместе с братом. Весной 1852 года умирает Лиза, и Дмитрий остается в Петербурге практически один. Беспособность, общая слабость, недоедание, туберкулезная интоксикация приковывают его к больничной койке в институтском изоляторе. Однажды во время обхода врач, думая, что Д.И. Менделеев спит, сказал у его кровати: «Этот уже не поднимется».

Старшая сестра Дмитрия Ивановича, Ольга Ивановна, решила помочь брату в устройстве личной жизни и настояла на его помолвке с Феозой Никитичной Лещевой (1828–1906), с которой Д.И. Менделеев тоже был знаком еще в Тобольске. Судя по всему, в Петербургское общество Менделеева в то время так и не удалось. Феоза, привыкая дочь учителя Д.И. Менделеева поэта Петра Петровича Ершова, автора знаменитого «Конька-Горбунка», была старше жениха на шесть лет. Брак оказался несчастливым, и в 1881 году после долгих переговоров Феоза Никитична согласилась на развод, но толь-

Мария Дмитриевна Менделеева-Кузьмина с дочерью Екатериной. 1928

ко при условии, что бывший муж будет выплачивать ей алименты, причем не в размере 25, 50 или даже 75% от его жалованья, а в размере 100%. Д.И. Менделеев согласился на такие дикие условия, и с этого момента все жалованье профессора Петербургского университета шло его бывшей жене.

Второй брак с сной Анной Ивановной Половой (1860–1942), которая была младше его на 26 лет, к сожалению, тоже не был счастливым, как пишет его биограф Д.Н. Трифонов. Всю свою любовь Менделеев отдавал детям и внукам, которых обожал и готов был пожертвовать многим ради их счастья.

У Дмитрия Ивановича Менделеева было семеро детей. Трое от брака с Феозой Никитичной: Мария (1863 года рождения, умерла в младенчестве), Владимир (1865–1938), Ольга (1868–1950) и четверо от брака с Анной Ивановной: Любовь (1881–1939), Иван (1883–1936), близнецы Мария (1886–1952) и Василий (1886–1922).

Д.И. Менделеев почти не довелось возиться с внуками, о которых он так мечтал. Надо сказать, что дети Д.И. Менделеева были не такими плодородными, как их знаменитый отец. Многие внуки и внучки Д.И. Менделеева или умирали при рождении, или их жизнь в этом

Галина Петровна Левцакина, Екатерина Дмитриевна Менделеева-Каменинская, Дмитрий Исхаков. Мустафин на выставке, посвященной Д.И. Менделееву, в РХТУ

мире была краткой и неприметной. Наиболее яркий след в истории и памяти людей оставили самая первая внучка Д.И. Менделеева от сына Владимира и самая последняя внучка от дочери Марии. Первая — потому что все ее жизнь от рождения до смерти была окружена тайной, подлинно восточной мистикой. Последняя — потому что ее жизнь, поступки и поведение были предметом беззащитного обсуждения и осуждения.

Я с удовольствием вспоминаю мои встречи с единственной дожившей в России до девяностых годов двадцатого столетия троюродной внучкой Дмитрия Ивановича Менделеева, дочкой его младшей дочери Марии Дмитриевны Менделеевой-Кузьминой — Екатериной Дмитриевной Менделеевой-Каменинской.

В свое время она училась в Ленинградском Академии художеств, потом грезила сценой, поступила в театральную студию Большого драматического театра им. А.М. Горького, где училась на одном курсе вместе с известными впоследствии ленинградскими актрисами Ольхой и Стрельчицкой. Затем закончила исторический факультет Ленинградского университета.

Высокая, статная, яркая, она всегда была в центре внимания, окружена поклонниками и подружками. В юности она обладала большой физической силой и могла на спор поднять руками автомобиль. Студенты Академии художеств закладывали пари и пропускали лекции, чтобы посмотреть, как внучка Менделеева, Катя, будет поднимать огромную машину.

Я впервые увидел ее в 1987 году на Московском во время премьеры какого-то фильма. Познакомили нас Ирина Дмитриевна Кислова, племянница скульптора Коенкова, и его ученица Галина Петровна Левцакина, которая дружила с Екатериной Дмитриевной еще со времен их учебы в Академии художеств. Меня сразу же потрясло удивительное сходство Екатерины Дмитриевны с ее великим дедом. Одета она была до-

вольно просто и даже, наверное, беднее, но все же монументальная фигура, открытое улыбающееся лицо с большим чувственным ртом, неторопливая правильная речь говорили о благородном происхождении и о врожденном интеллекте, который нельзя приобрести, даже читая самые умные книги.

Она была открытой, веселой и шумной, с ярко-рыжими волосами. Любимая рассказывать о себе, о своей маме и о деду, которого никогда не видела, поскольку родилась в 1925 году, через 18 лет после его смерти.

Ее мать, Мария Дмитриевна Менделеева-Кузьмина, в отечественной до-революционной кинологии считалась лучшим экспертом по легавым собакам. После Великой Отечественной войны она заведовала Музеем архивом Д.И. Менделеева при Ленинградском университете и за год до своей смерти, в 1951 году, сумела издать первый сборник «Архив Д.И. Менделеева», в котором систематизированы документы Дмитрия Ивановича.

Внучка Д.И. Менделеева Екатерина Дмитриевна, как и ее мать, работала в музее — в знаменитой Кунсткамере, Музее антропологии и этнографии. Однажды во время моего пребывания в Ленинграде она водила меня по своему музею, подолгу останавливаясь около стендов, рассказывающих об африканских цивилизациях. Областью ее научных интересов была история и культура народов Полинезии. Она могла часами рассказывать о генезисе культуры, об особенностях мифологического сознания, которое, как она утверждала, представляет собой не низшее сознание, предсознание, а нулю форму сознания, по своему не менее высокому, чем научное. Екатерина Дмитриевна убежденно говорила, что первобытные культуры являются нам порой образцы высокой духовности. Даже слово «дикири» она произносила как ученое звание. Когда она увлеклась, то ее речь становилась особенно красивой, манера — изысканной, а выражение лица — покровительственным и царственным.

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Как и положено царственным особам, проживала она во дворце — роскошном дворцовом здании XVIII века, богато украшенном лепниной и колоннами, — на канале Грибоедова, недалеко от Невского проспекта: дом 8, квартира 13. Екатерина Дмитриевна утверждала, что именно тут император Павел Первый молился о своем спасении а присутствии своих друзей-интеллигентов, и то ли шутя, то ли серьезно говорила, что здесь, на канале Грибоедова, до сих пор иногда можно встретить призрак убиенного Павла.

Несколько раз я бывал в ее ленинградском коммунальном дворце. Как и предполагала господствующая идеология, дворцы были превращены в жилища и не выдали ремонтных работ чуть ли не со времен Павла. Екатерина Дмитриевна занимала одну комнату в многоэтажной коммунальной квартире с длинными коридорами, темными чуждыми и вырванными потолками. Удивительно неслепая комната: выгоревшая из огромной залы, она была непропорционально длинной и заканчивалась огромным окном, постоянно разбитым. Из окна все время дуло, и Екатерина Дмитриевна, в те годы уже немолодая и не очень подвижная, закрывала старые одеялом те места, в которых были выбиты стекла. Потолок — невероятно высокой, действительно как во дворце. Все это создавало ощущение какой-то нереальности, «Фарадеяева темного пространства» с «объемной изоляцией» и «тележками свечением»: длинная узкая комната с вырванными потолками, шириной которой непропорционально мала по сравнению с длиной и высотой. Окно в конце этого «ущелья», заткнутое клетчатным одеялом, казалось выходящим в другой мир.

Обстановка комнаты внучки великого Менделеева была чрезвычайно простой, никаких антикварных комодов или диванов, только старые книги, потрепанные журналы и альбомы с семейными фотографиями. Но к моему приходу Екатерина Дмитриевна пригостила роскошный обед с красной икрой, щами, кисельными котлетками и жареной картошкой. Мне было неловко, я понимал, что такой обильный и красивый стол в этом доме бывает

Академик
П.Д.Саргисов,
Е.Д.Менделеева-
Каменская,
скульптор
Г.П.Левинчик
с кондукторами
РХТУ

нечасто. Две коробки конфет, принесенные мной, она тут же открыла и поставила на стол, а апельсины и яблоки, которые я купил на Невском и предложил положить в холодильник, вымыла и тоже положила на большую тарелку. Она казалась щедрой и гостеприимной — щедрой не от избытка, а от полноты души и отсутствия «хвалительных движений».

В этой квартире Екатерина Дмитриевна жила вместе со своим сыном Александром Евгеньевичем Каменским — единственным прямым правнуком Дмитрия Ивановича Менделеева. Саша был удивительно похож на Дмитрия Ивановича Менделеева, каков мы себе представляем его благодаря портретам Релина, Врубеля, Крамского. Большой, высокий, барственный и аристократичный, несмотря на то что одет был очень просто. Сашину судьбу вряд ли можно назвать счастливой. Родители рано разошлись, и воспитывали его бабушка и дедушка по отцовской линии. Сашин отец был горным инженером, а после возвращения из сталинских лагерей служил, по словам Екатерины Дмитриевны, чиновником в авиационно-морском министерстве.

Лишенный родительского внимания, Саша сумел закончить только десятилетку, а после оказался в тюрьме. Однажды у меня дома он рассказал мне, что первый раз угодили в тюрьму, когда вступился за девушку, к которой приставал милиционер. Девушка звала на помощь, и Саша начал ее защищать, избившись на милиционера. Его забрали в отделение, а там избили и сумели представить дело таким образом, что Саша сам напал на милиционера при исполнении последнего

служебных обязанностей. Суд был недолгим, а приговор жестким — несколько лет тюрьмы, кажется шесть. Освободили его досрочно, но в течение какого-то времени он должен был еженедельно отмечаться в милиции, тарелку. Она казалась щедрой и гостеприимной — щедрой не от избытка, а от полноты души и отсутствия «хвалительных движений».

Когда Александр Евгеньевич Каменский вышел из тюрьмы, то его дедушка и бабушка уже умерли, их квартира отошла государству и он остался без крова и без прописки. Потом ему удалось прописаться к матери, но жить вместе было сложно, они отыски друг друга, так как всю жизнь прожили порознь.

Екатерина Дмитриевна и Александр Евгеньевич не вписывались в рамки советского общества и не смогли занять положение, которое заслуживали. Жили они бедно. Александр работал экспедитором на заводе монументальной скульптуры, куда его устраи-

ла подруга матери по Академии художеств, скульптор Г.П.Левинчик. А у Екатерины Дмитриевны сначала была маленькая зарплата научно-технического музейного сотрудника, а затем пенсия, которой хватало на несколько дней. Существенную часть денег она тратила на сигареты, курила очень много. Надевалась, что кто-нибудь из химиков, объединенных в Менделеевское общество, или историков науки, занимающихся изучением творчества Менделеева, или музейных сотрудников, пропагандирующих жизнь и достижения ее деда, помогут ей получить персональную пенсию. Но никому не было дела до ее просьб. Никто из них на кого она надеялась, не стал хлопотать за нее. Она обращалась за поддержкой в музей, пыталась претендовать на золотые медали, награды, картины и какое-то другое искусство деда, которое оказалось в музее, но которое по справедливости должно было принадлежать ей, прямой внучке и наследнице. В результате этого с музейными сотрудниками у нее сложились непросто отношения, а когда Александр Евгеньевич попытался решить спор через суд, то Музей Менделеева окончательно порвал все отношения с единственным прямым правнуком великого химика. Вообще, зная Сашу, довольно застенчивого, с его совсем небуржуазным характером, думаю, что и само судебное разбирательство, и предъявление истцом претензии на имущество правды — все это было инициировано не им, а его предпринимчивыми знакомыми. На суд Александр Евгеньевич даже не пришел, и, конечно, проиграл дело.

Когда Екатерина Дмитриевна Менделеева в 1987 году рассказала мне о трудностях своего существования и обратилась за помощью, я начал думать, как ей помочь, и поделился своими переживаниями с ректором Менделеевского института Павлом Дмитриевичем Саргисовым, который, несмотря на то что знал «официальное

Эскиз фрегата «Память Азова». В центре царевич Николай Александрович, будущий российский император, в ивжизн ряду, первый справа — лейтенант Владимир Дмитриевич Менделеев

отношение к внучке Менделеева, прозвнес слова, которые я хорошо запомнил: «Мы ей должны помочь. Мы ей обязательно поможем».

Екатерина Дмитриевна хотела уехать из Ленинграда, из своей дворцовой «вороньей свободы», из враждебного к ней города. Мы стали думать о переезде, и, наконец, решившись подкалала сама Екатерина Дмитриевна, заговорила о Московском доме престарелых, а точнее, Доме-пансионате ветеранов науки Академии наук СССР около метро Коньково, в котором она была вместе с подругой матери Зайцевой, работавшей в те годы секретаршей у академика Котельникова. Однако отсутствие московской прописки и наличие сына делали этот проект практически нереальным. В пансионат принимали только москвичей и только одиноких, не имеющих детей и внуков. Сразу два ректора Менделеевы подложили к решению проблемы внучки Д.И.Менделеева: бывший ректор — Геннадий Алексеевич Ягодин, который в те годы был министром высшего и среднего специального образования СССР, и нынешний ректор — Павел Дмитриевич Саргисов.

В результате моего плутовского хождения по разным инстанциям зимой 1989 года мы вместе с Екатериной Дмитриевной и Сашей совершили путешествие из Петербурга в Москву. Перед отъездом зашли в музей Д.И.Менделеева: Екатерина Дмитриевна хотела попротестоваться с Ниной Георгиевной Карпиной, хранительницей музея, которая всегда тепло к ней относилась. Все имущество внучки Менделеева уместилось в двух небольших чемоданах и сетках-рюкзаках. Мы добрылись до автостанции метро, а затем благополучно приехали в Москву на недорогом дневном поезде.

В Доме ветеранов науки Екатерина Дмитриевна встретила доброжелательную, представила отдельную комнату с просторной койкой, туалетом и душем, которые ей не нужно было делить с соседями, как это было на протяжении почти всей ее жизни. Она искренне радовалась тому, что теперь ей не придется бегать за продуктами по магазинам и она может спокойно сидеть у окна, наблюдая за белками, при-

Владимир Дмитриевич Менделеев в детстве

Владимир Дмитриевич Менделеев

ходящими на лоджии. Однажды летом 1989 года я навестил ее вместе с моими итальянскими друзьями и был потрясен, когда она пригостила для нас красивый стол с угощением. Я прекрасно понимал, что при ее финансовом состоянии это была безграничная щедрость. На чайную церемонию Екатерина Дмитриевна пригласила и друзей по новому дому, в котором ей предстояло закончить свой жизненный путь. Она знала, что у нее рак, но относилась к этому спокойно и даже равнодушно, опухоль не очень беспокоила ее.

Умерла она не от рака, а примерно так же, как и ее гениальный дед: простудилась на свеконике, просящая кого-то в холле пансионата. По воле Екатерины Дмитриевны ее кремировали, прах передал сыну, который должен был захоронить его на Волковом кладбище в Петербурге, рядом с могилками ее знаменитого деда и матери. Когда в 1996 году я приехал туда, то табличку с именем Екатерины Дмитриевны так и не обнаружил. Говорят, что прах внучки Менделеева и по сей день лежит безымянным: у сына Саша нет денег на надгробную плиту, а больше, как оказалось, никому это не нужно...

Именно на Волковом кладбище я вспомнил рассказ Екатерины Дмитриевны о двоеродной сестре, которая, по ее уверениям, до сих пор живет в богатой и благополучной Японии. «Нам с вами, Дима, нужно ее найти и поехать к ней в гости», — шутила Екатерина Дмитриевна.

Первая внучка великого Менделеева родилась 28 января 1892 года. История ее жизни до сих пор окружена

загадками. Долгое время ее появление на свет вообще замалчивалось. Только в 1947 году в воспоминаниях дочери Дмитрия Ивановича Ольги Дмитриевны Тригоровой-Менделеевой упоминается о том, что у старшего сына Дмитрия Ивановича Менделеева, Владимира Дмитриевича, в Японии родилась дочь. «Как относился Володя к этому ребенку, я не знаю, но отец мой еженедельно посылал японской матери известную сумму денег на содержание ребенка. Девочка это вместе с матерью потом поехала во время землетрясения в Токио...»

Однако японский историк науки, профессор Токийского технологического института Масанори Кадзи, который в марте 2004 года по приглашению ректора Российского химико-технологического университета им. Д.И.Менделеева академик П.Д.Саргисова сделал сообщение о «ветке сакуры в генеалогическом древе Д.И.Менделеева», опровергает утверждение об их смерти. Действительно, знаменитое землетрясение произошло в Токио в 1923 году, а японская жена Владимира Дмитриевича Менделеева Така Хидемиса и их дочь Офудзи (или Фуки) в японском языке «О» — ласкательный префикс для женского имени), внука Д.И.Менделеева, проживали в портовом городе Нагасаки, который практически не пострадал во время землетрясения. Масанори Кадзи утверждает, что Ольга Дмитриевна Тригоровая-Менделеева не имела достоверных данных о японских родственниках, так как связь с ними прервалась задолго до землетрясения: после смерти Владимира в 1898 году, либо во время русско-японской войны,

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Таки и Фуэди Хидесима. Фотографка из письма к Д.И.Менделееву. 1894 год.

Кокусэки Озаки, известный японский писатель (1893–1957), сын русского дипломата Александра Степановича Яновича и японки Кейко Озаки, родился в один год с Фуэди, супругой Д.И.Менделеева

либа после смерти самого Д.И.Менделеева в 1907 году. Кроме того, хотя о заплементах 1923 года знает весь мир, сомнительно, чтобы восты о смерти простого человека передали из Японии в Россию, тем более в первые послевоенные годы. К тому же, когда Ольга Дмитриевна в 1946 году писала воспоминания, ей было уже 78 лет. На основании этого он делает вывод, что версия о гибели японской внучки Д.И.Менделеева — это ничем не подтверждаемая догадка.

История ее появления на свет трагична и печальна. Владимир Дмитриевич Менделеев (1868–1898) по окончании Морского училища служил на фрегате «Память Азова» мячманом, а затем лейтенантом (1890–1894). Именно отец Дмитрий Иванович Менделеев, устроил своему сыну Владимиру это путешествие, чтобы он забыл несчастную любовь. Фрегату предстояло долгое, интересное и престижное плавание; цесаревич Николай Александрович, будущий российский император, на фрегате «Память Азова» отправился через Суэцкий канал, Индию, Сингапур, Индонезию, Вьетнам, Гонконг в Японию, где посетил города Нагасаки, Кагосима, Кобе, Киото и Оцу.

Владимир Дмитриевич Менделеев мог находиться в Нагасаки в общей сложности не более трех месяцев, так как фрегат «Память Азова» заходил на стоянку в Нагасаки всего пять раз: с 17 по 23 апреля 1891 года, с 27 апреля по 5 мая, с 28 декабря 1891 года по 24 января 1892 года, с 12 апреля по 10 мая 1892 года, и с 18 по 25 июля 1892 года (по новому стилю). Ольга Дмитриевна Тригорова-Менделеева пишет, что ее брат, «как и все японские морские, заключил брачный договор на определенный срок стоянки в порту» с женой-японкой, от которой у него родилась дочка уже после его возвращения в Россию.

В Петербургском архиве Д.И.Менделеева хранятся два трагических письма от этой женщины: одно адресовано

Владимиру Дмитриевичу, а второе Дмитрию Ивановичу Менделееву. В этих письмах я позволил себе исправить некие, которые географические и стилистические ошибки и сплести казавшиеся моменты, чтобы было проще их читать. Полные тексты писем можно найти в публикации Масанори Каэди (<http://journal.srbu.ru/2003/27/13.shtml>).

«Нагасаки
Дорогой мой Володя!
Нестерпимо ждем от тебя писем.
Наконец, когда я получила твоё письмо, я в восторге схватила его. К моему счастью, в тот момент Сиги (известный японский переводчик с русского языка. — Примеч. автора) привёк ко мне и прочитал его. Узнав, что твоё здоровье в порядке, я успокоилась. 16/28 января в 10 часов вечера я родила дочку, которая, слава Богу, здоровует, ей я дала имя в честь горы Фуэдиана — Офуэди. (Итак, дата рождения внучки Д.И.Менделеева 28 января 1893 года. — Примеч. автора). Узнав о моем разрешении, на другой день навестили меня с «Витязя» (российский корабль, который в то время находился на причале в Нагасаки. — Примеч. автора). Кроме того, от многих знакомых дочка наша Офуэди получила приветственные подарки. Все господа, которые видели милую нашу Офуэди, говорят, что она так похожа на тебя, как пополам разрезанная тыква. (Здесь, как объясняет Масанори Каэди, используется устойчивое японское выражение, соответствующее русской посылке «пополам как две капли воды».) Этим я крайне успокоил мрачные слухи, носившиеся при тебе. (Вероятно, Владимир сомневался в своем отцовстве. — Примеч. автора.) Теперь я получила благодаря хлопотам господини Сиги присланные от тебя 21 иен 51 се; за которые благодарю тебя. Какая я несчастливая: представляю себе, накануне моего разрешения 15/27 января у меня умерла мать моя. С того времени, как ты уехал из Японии, мне было не от кого получить деньги, между тем матушка долго лежала от болезни в постели, наконец, ей пришлось хоронить, да родилась дочка — это всё требовало расхода денег, мне не у кого их достать.

Так, я вынуждена была просить у Петрова (офигера с «Витязя». — Примеч. автора), но у него, по всей вероятности, также не было свободных денег, потому что он давал мне заморозку по 10 иен три раза, кроме того, 10 иен он подарил нашей дочке, так что от г-на Петрова я получила всего 40 иен. После того как ты оставил Нагасаки, я заложив свои часы, кольцо, прочие вещи, заняла у знакомых более 200 иен. Не умею объяснить тебе, как я мучилась, не получая от тебя ни разу письма. В Японии, когда родится ребенок, устраивают ради новорожденного праздника, одевают его в новый костюм, посылают подарки в храм, родственникам, знакомым, приглашают родных и знакомых на обед; я, не имея денег, до сих пор не могу это сделать. Так мне крайне стыдно писать знакомым. Имея твою дочку, мне нельзя и я не желаю выйти за другого замуж, потому после смерти матери мы с дочкою будем жить тебя и от тебя известий. Хочу послать тебе как можно скорее фотографическую карточку нашей дочке, но теперь еще не сделала, пошлю в следующем письме. Когда будешь писать или пришлешь мне деньги, присылай всегда через Сиги. Мы с дочкою хотим за тебя, не забывая, что ты наша сила.

Твоя верная Таки,

Однако Владимир Дмитриевич Менделеев, вернувшись из длительного путешествия, вскоре забыл о своем японском приключении. Уже в 1896 году он женился на дочери художника-переводчицы К.В.Лемхя, академик Императорской Академии художеств — Варваре Кирилловне Лемх, которая стала его законной венчанной женой, а не женой по контракту, как Таки Хидесима.

Но злой рок преследовал Владимира: его сын Дмитрий умер вскоре после рождения. Через три года супружества, 19 декабря 1893 года, неожиданно от быстрой смерти инфлюэнцы скончался и сам Владимир.

В отличие от сына, Дмитрий Иванович Менделеев сразу же откликнулся на просьбы Таки. Он сам вступил в ней в переписку. К сожалению, эти его

По приглашению ректора РХТУ им. Д.И.Менделеева академик П.Д.Саркисов (справа) профессор Тойкойского технического института Масанори Каэди (слева) в марте 2004 года сделал сообщение о «ветке скверны» в генеалогическом древе Д.И.Менделеева

письма не сохранились, но они, безусловно, существовали. Об этом свидетельствует письмо, написанное Таки Хидесимой Дмитрию Ивановичу. Любопытно, что письмо это попало в Архив Д.И.Менделеева только в 1983 году, впервые же оно было опубликовано в российский биографии Менделеева, а японским историком науки Масанори Каэди, который приезжал в Петербург на стажировку.

Нагасаки
18/6 Июля 1894

Глубокоуважаемый Дмитрий Иванович,
Прошу извинения за долгое молчание и осмеливаюсь осведомиться о Вашем здоровье. (Из этой фразы следует, что Д.И.Менделеев написал ей одно или, скорее всего, уже несколько писем, на которые Таки отвечает с опозданием. — Примеч. автора.) Мы с дорогую и милую нашу Офуэди здоровы, она уже стала ходить. Препровождо Вам нашу с ней фотографию. Вестю этого прошу Вас прислать нам Ваш портрет. От Владимира Дмитриевича я получила в ноябре прошлого года письмо от 24 сентября 1893 года, написанное на крейсерке «Память Азова». После того уже прошло много времени, да он ничего не пишет, даже через его товарищей, которые часто навещали Офуэди, слов о Володе не добыть. Так долго не имея известия от Володи, я крайне мучусь. Поэтому я буду чрезвычайно обязанным Вашему Превосходительству, если вы поставите меня в известность о дорогом моем Володе в Вашем ответе.

Жалею от души Вам доброго здоровья, остаюсь преданным и готовым к услугам

Ваша
Таки Хидесима.

Екатерина Дмитриевна Менделеева-Каменская и Дмитрий Исхаков Муштафи в музее Дмитрия Ивановича Менделеева.

Прощание с домом деда перед отъездом из Ленинграда в Москву

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

поставил писателем рассказывает о своем отце — русском дипломате, предке которого происходили из Святой Польши. Внучка Д.И.Менделеева Фуэди родилась в один год с Кокусэки Озаки — в 1893 году, и тоже могла бы стать яркой и выдающейся

личностью, имея столь прекрасную наследственность. В настоящее время мы не располагаем сведениями о том, как сложилась судьба Таки и Фуэди. Можно предположить даже сценария.

Така Хидесима вышла замуж и по старательности навсегда забыла о русских корнях своей дочери.

Така Хидесима не вышла замуж, но с ребенком на руках была обречена на нищенское существование, болезни и раннюю смерть. Жизнь внучки Менделеева могла изменить только вмешательство знаменитых и богатых русских родственников или чудо. Так хочется верить, что чудо произошло и сейчас потомки Д.И.Менделеева живут счастливыми и радостно в Стране восходящего солнца.

Двоюродная сестра Фуэди Хидесима-Менделеев Екатерина Дмитриевна Каменская-Менделеева верила в чудо и надеялась однажды встретиться со своей японской сестрой, поборуды с ней по величественным улицам Петербурга или покатаются на лодке по Японскому морю.

Сейчас Фуэди Хидесима-Менделеева и Екатерина Дмитриевна Каменская-Менделеева умерли и, возможно, находятся рядом в том мире, где нет нищеты, коммунальных квартир, домов для престарелых и мужей по контракту.

